

ЖЕНСКОЕ ПАНК-ДВИЖЕНИЕ И RIOT GRRLS

Симпозиум First Supper

Осло, 14 мая 2014 года

Рози Брайдогги

«Быть Пусси Райот – это все равно, что быть Бэтманом. Надеваешь маску – становишься Пусси Райот. Снимаешь ее, и ты больше не Пусси Райот».

газета «Гардиан», 24/01/4

Рози Брайдогги (имеет степень бакалавра с отличием от Австралийского Национального Университета, 1978 и степень доктора философии от Университета Париж 1, Пантеон – Сорбонна), почетный профессор и директор-основатель Центра гуманитарных исследований Университета Утрехта. Избранные последние публикации: «Постчеловек», Cambridge: Polity Press, 2013; *Nomadic Subjects*, New York: Columbia Univ. Press, 2011a (издание второе, дополненное) и «Номадическая теория. Портативная Рози Брайдогги», Columbia University Press, 2011b.

www.rosibraidotti.com

ВСТУПЛЕНИЕ

Я очень рада присутствовать здесь сегодня и горжусь тем, что смогла стать частью вечера, посвященного поддержке и критическому осмыслению политического проекта коллектива Пусси Райот.

Прежде чем начать свое выступление, я хочу выразить благодарность и искреннее восхищение команде организаторов под руководством Лизы Пачини, Гидскен Браадли, Натали О'Доннелл и всем тем, кто невзирая на сложные обстоятельства, включая забастовку гостиничных работников, помог нам осуществить это мероприятие. Без их приверженности своему делу мы бы с вами сегодня не встретились, поэтому от лица всех присутствующих я хочу поблагодарить команду Симпозиума за их активистскую позицию и участие.

Говорить я буду кратко и по делу: прежде всего я буду настаивать на политической важности проекта Пусси Райот и понятие «политическое» буду рассматривать именно с точки зрения социокультурного активизма. В своем выступлении я хочу особенно выделить два аспекта этого проекта, которые мне кажутся неотделимыми от долгих и знаковых традиций феминистской политики: визуальный и музыкальный. Несмотря на то, что они, безусловно, пересекаются и взаимодействуют между собой, я хочу обсудить каждый из них отдельно.

I. ВИЗУАЛЬНЫЙ ПРИМЕР

Политическое

В системе, которая, несмотря на обширные доказательства того, что она построена на непрекращающейся несправедливости, вопиющем оппортунизме и жестоком насилии, настаивает на том, чтобы называться развитым капиталистическим обществом, феминистская политика играет очень важную роль для нашего коллективного понимания того, как формируется политический момент и политическое действие.

В то время как «политика по инерции» продолжает следовать своим правилам срежисированного антагонизма и привычным институциональным практикам, новая волна феминистских движений действует, умножая мировое противостояние деспотическим режимам, отвоевывая публичное пространство и находясь в постоянном поиске альтернативных способов того, как стать политическим субъектом.

Общемировое новое женское движение стало очень заметным в современном мире, и для старшего поколения, к которому я с гордостью отношу и себя, это источник и большой

радости, и растущего беспокойства, учитывая то насилие и репрессии, которое оно вызывает по отношению к себе. Феминистская политика стремится к трансформациям, беря за точку отсчета те материализовавшиеся, укоренившиеся, аффективные и реляционные структуры, лежащие в основе современных социальных отношений, а также соединение личного и коллективного, частного и публичного. (Braidotti, 1994, 2011). На политическую повестку дня она выдвигает неудобные и провокационные, но крайне насущные вопросы. Насилие, свобода, бедность, достоинство, легитимность, самоопределение – вот ключевые моменты для обсуждения. Проникновение в суть этих понятий приводит к активному участию феминисток в политике повседневной жизни, где «жизнь» не рассматривается как нечто само собой разумеющееся, но видится как этико-политическая практика борьбы и противостояния, где критика и креативность идут рука об руку. Феминистская политика активно задействует революционные эксперименты в области формирования субъекта, новой практики существования и этических отношений. Она стоит на принципах прогрессивных эмансипирующих мер, а также радикальных экспериментах с самоопределением и критических практиках.

Феминизм положил начало местной политике (Rich, 1985) как способу создания основы для активизма. Местоположение – это воплощенная пространственная, но в то же время привязанная ко времени территория: это память или, точнее, набор различных воспоминаний, направленных против доминирующих социальных представлений о субъективности.

Эти воспоминания служат инструментом для увеличения уровня осознанности, который играет незаменимую роль в трансформативной политике феминизма. Феминистки всегда открыто критиковали установку на универсальность, свойственную большинству политических теорий, включая марксизм. Вместо этого мы подчеркиваем необходимость изменения точки приложения этих теорий и разоблачения соотношений сил, там, где они наиболее устойчивы и невидимы: в характерных отсеках нашего телесного, психического и социального существования, в наших имманентных интеллектуальных и социальных практиках. Поэтому начинать нужно с мельчайших деталей, укорененных в индивиду и сети социальных отношений, которые формирует его. С ситуативных практик.

Подчеркивание воплощенной и укорененной природы субъекта приводит к тому, что в расчет начинает приниматься его наработанный жизненный опыт, а интерес к происходящему вспыхивает с новой силой. Мы должны думать глобально, но действовать локально: здесь и сейчас. Принимать условия настоящего и в то же время противостоять ему, быть в состоянии оппозиции, но не отрицания – таков вызов, который сегодня брошен субъектам, находящимся в поле политических отношений.

«Различие» никогда не представляло собой нейтрально окрашенное понятие, в этом термине изначально заложено исключение. Результатом этого становится то, что определенная группа живых существ превращается в группу маргинальных и лишних элементов: это люди, становящиеся жертвами сексизма и расизма, для которых словосочетание «быть отличным» всегда означает «быть отличным от других» и «значить меньше, чем другие».

Мы все люди, но почему-то одни в итоге оказываются более смертными, чем другие.

Контекст

Я хочу сегодня отдать дань той традиции радикальной феминистской политики в момент истории, когда общая тенденция направлена на то, чтобы отвергнуть или высмеять ее, как старомодный исторический эксперимент.

Феминизм отказывается от лицемерного догматического тона доминирующих идеологий, а также левого или правого фронтов политического спектра в пользу производства позитивных актов протеста. Феминистская политика критична, но в то же время аффирмативна, ее цель – производство альтернатив сегодняшнему положению дел и структурам субъективности.

Спонтанные и креативные аспекты феминистской практики соединены с различными формами проявления щедрости, например, с этикой нон-профитного сектора, построенного на основе микрополитических активистских принципов. Этот простой, но экспериментальный подход к тому, как изменить наши коллективные представления об обществе, социальных, культурных и иных нормах и ценностях, социальном воображении, наших телах и самих себе, является наиболее конструктивным манифестом феминистской политики радикального характера.

Феминизм также исходит из марксистской традиции, в которой некоторые дозы насилия считаются правомерными формами борьбы с процессами и социальными практиками эксплуатации, маргинализации и исключения. Такая материалистская политика радикального толка отличается серьезным подходом к вопросам сексуальности, пацифизма, прав человека, сохранения окружающей среды и устойчивого будущего.

Нужно также отметить, что в то время как гуру-теоретики левого фронта левого движения, по словам Бадью (2013), жалуются на свою политическую несостоятельность или совершенствуют театральное искусство разоблачения в своих собственных целях, как Жижек, они параллельно проделывают куда более пагубный трюк: им удалось виртуально разрушить тот интеллектуальный и политический капитал, который создавался феминистской теорией

на протяжении последних 30 лет - как будто бы мы годами не создавали всех тех схем, методов, практик и тактик, которые могли бы применяться всеми. Так что левым нужно ответить за эпистемологическое насилие, совершенное ими в отношении феминистской теории и практики. При этом они не должны усугублять это оскорбление тем, что, сперва уничтожив феминистскую политику, они теперь жалуется на то, что на левом фронте нет никакой альтернативной политики.

Левый фронт левого движения неверно понимает феминистскую политику опыта, он не видит важности политики желания и необходимости в поиске альтернативных способах становления субъектом. Феминизм выражает радикальное стремление к свободе, цель которого – разрушение устоявшихся институционализированных форм гендерных идентичностей и расстановка сил в обществе, которую они задают.

Аффирмативная, наполненная радостью политика контрсубъектов, которая далека от впадения в культурный нарциссизм, что бы о ней ни говорили ее критики, представляет собой радикальную борьбу с жестокостью и примитивностью власти. Она стимулирует контрпроизводство различных политически окрашенных эмоций и желаний. Поиск политического благосостояния – это коллективный, а не индивидуальный процесс, и он осуществляется не с целью собственного обогащения. Это политический проект, который питается стремлением создать социальные горизонты надежды, которые станут устойчивыми альтернативами шизофренической политэкономии развитого капитализма, ее жесткой материальности и убийственному насилию.

Мы здесь, и мы мне агонизируем! Мы организуем!

Публичные лица влекут за собой политические режимы

Невзирая на свою «развитость», капиталистическая система не может рассматриваться как сложная и продвинутая. На самом деле эта система примитивна и до опасного проста. Именно поэтому некоторые консерваторы с гордостью говорят о том, что капитализм свойственен человеческой природе, что он встроен в наши гены, отвечающие за эгоизм (Dawkins, 1976), и их эволюционный капитал. Я твердо отрицаю такие утверждения, призванные разве что только польстить себе, и в своей работе концентрируюсь на обнажении грубых сил, отвечающих за шизоидные действия или детерриторизацию этой вихровой системы, которая на всех парах мчится в никуда.

Феминистский анализ власти не только разоблачает любую концепцию «природных корней» капитализма как характеристики, глубоко укорененной в том, что они называют

«человеческой природой». Что же в ней такого человеческого, хочу я спросить. Такие молекулярные, произрастающие снизу движения, как феминизм, подвергают наше индивидуальное или коллективное стремление к жизни в рабстве жесткой критике. Это то же самое, как если бы мы все верили в неизбежность какого-либо угнетения, например, узаконивания соотношения сил, свойственных капиталистической системе. Такое коллективное восхищение властью также известно, как микрополитика доминирования, и она начинается с того, что наши желания конструируются кем-то другим. Другими словами, капитализм, это не трансцендентное понятие, а имманентное: именно капитализм заключает нас в силовые отношения в обществе, формат которых предполагает нам навязывание неосознанных эмоций и желаний.

Капитал пронизывает социальное пространство, принятую систему значений и формы взаимодействий, которые он запускает внутри общества. Важным элементом его эффективности служит сила визуализации, узнавания и репрезентации, которую он активно использует и постоянно совершенствует. Позвольте мне развить эту мысль. Феминистки всегда были одними из первых, кто разоблачал и критиковал соблазнительный образ власти, находящий воплощение в виде доминирующего субъекта, который представляет собой нормы, ценности и устремления людей. Феминистская политика опирается на либертарианские взгляды, которые предполагают критику публичного лица как доминирующей эмблемы суверенной власти.

Делез и Гваттари (1977; 1987) учат нас тому, что лицевость - визуализация власти, представленная в виде узнаваемого лица - выполняет функцию детерриторизации субъекта. Публичные лица занимаются созданием собственного бренда из собственного эго, как из неотъемлемой от них собственности, и превращают этот бренд в узнаваемый товар, хорошо продаваемый и приносящий прибыль. Лицо распространяет свою власть на территории, которую оно создает и контролирует, оно порождает новые индивидуальные и коллективные идентичности, которые становятся брендами, узнаваемыми настолько, насколько сильно они напоминают то или иное публичное лицо, образ власти.

О лицевости

Думаю, сейчас все вы ждете, что я буду показывать вам изображения Владимира (Путина) или Сильвио (Берлускони) и им подобных. Но я не буду этого не делать. Не только потому, что они отвратительны, но и потому, что я хочу показать такую власть в несколько ином ключе. Пока я это делаю, вы можете вообразить себе целую галерею портретов безобразных лиц деспотов в личном пространстве собственного разума.

Идея моя достаточно проста: лицо – это пейзаж власти, особенно если оно представляется нам знакомым, вселяющим надежду, олицетворяет собой символ нации, народа и этнической общности. Вспомните, как целительной силой было наделено присутствие короля Харальда Пятого на ужасающих мероприятиях, связанных с массовыми убийствами на острове Утойя в 2011 году, унесшими жизни 69 молодых норвежцев, принадлежащих к левому крылу. Тогда Норвегия преподала нам всем урок о том, как сохранять достоинство и как переживать горе, и весь мир тогда скорбил вместе с вами.

Поэтому давайте начнем с благожелательного лица власти, свойственного конституционным монархиям Северной Европы - таких стран, как Норвегия, Дания или Нидерланды, которые были демократическими обществами, и которые часто управлялись женщинами.

Я большая поклонница бывшей королевы Беатрикс, ее профессионализма и приверженности своему делу. Я также обязана ей своим рыцарским титулом, которым она так любезно наградила меня. Я отправилась на награждение со своей законной женой Аннеке, и мы стояли там, как две декорированные лесбиянки – две по цене одной – и, надо сказать, сильно выпадали из общего ряда отличившихся своими заслугами мужчин. Я говорю это не из бахвальства – хотя вы, конечно, можете обращаться ко мне «сэр Роза», - а для того, чтобы еще раз подчеркнуть: благожелательное лицо власти существует за счет заботы, ее постоянного проявления и поддержки бизнеса.

Политическая экономика лиц создает систему кодов для доминирующей власти. Она наделяет общество культурными и политическими кодами - цвет кожи, гендер, класс, этничность,

наличие собственности - как паспортами, свидетельствующими о принадлежности к нормальности. Нормальность же понимается как степень схожести с этим доминирующим лицом. Обладание «правильным» лицом – это социальный процесс субъективации, который построен на бинарных исключениях: она черная или белая? гетеросексуальна или ЛГБТ? объект ли субъект? Ваше лицо все само расскажет за вас. (Griggers, 1997).

Следуя тезисам Кангилема (1966) и оперируя определением нормальности как нулевой степени девиантности, предложенным Делезом (Deleuze and Guattari, 1987), я предположу, что производство лиц (например, белых, властных, самопровозглашено женственных) (Braidotti, 2002) - это точка конвергенции противоречивых, но крайне эффективных топоров власти. С одной стороны, публичные лица олицетворяют собой привилегированное положение и нормативную деятельность, с другой, они символизируют функциональность и коммодификацию. Функция публичных лиц всегда носит фаллический характер - независимо от пола человека, наделенного властью. Образ транслирует стандартную форму бытия субъекта: белый, физически здоровый, гетеросексуальный, говорящий на «общепринятом» языке, владеющий землей, собственностью, семьями и детьми, нацией. В случае с главами государств, функциональность их лиц демонстрируется историческим воспроизводством на монетах

и марках.

Французы, которые беспокоятся об эстетике больше, чем кто-либо другой, регулярно обновляют ряд лиц, появляющихся на государственных монетах и марках, и для выбранных женщин представлять таким образом Республику оказывается крайне почетным. В 2013 году

новым лицом Марианны, символа республиканской Франции, стала Инна Шевченко, основательница украинского женского движения Femep, изображение которой появилось на всех французских марках.

Функция критики

В демократических обществах лица правителей и лидеров также довольно часто используются в ироничных и сатирических целях, становясь инструментом в культуре помех. Демократическая критика настаивает на использовании иронии и сатиры как способов «говорить правду власти», как учил нас Эдвард Саид (2004). И этот пример из голландской культурной политики, где правящий монарх регулярно становится объектом иронической декоронации и изобретательной детерриторизации, подтверждает это как нельзя лучше.

О роли образов в обществе развитого капитализма

Политические функции лиц и лицевости входят в новую фазу своего проявления в нашу эпоху гипермедиации. Сегодня визуализация - это высшая мера успеха, контроля и коммодификации. Всемогущество цифровых медиа и социальных сетей содержит в себе внутренне противоречие: с одной стороны, медиа превращают в товар любого, с другой, они подчеркивают разницу и структурные различия в обществе с точки зрения доступа к самим технологиям, которые запускают процесс коммодификации. Визуальная коммодификация распределяет степени узнаваемости, усиливая таким образом силу власти. Тиражируемые цифровыми технологиями лица одновременно порождают циркуляцию и ограничивают собственную мобильность. Они застревают в состоянии неподвижности в связи с перенасыщенностью информационного поля коммодифицированными визуальными объектами желания. Они даже лишают нас активного желания, заставляя постоянно желать большего, что порождает новую модель поведения – аддиктивного преследования коммодифицированных объектов, которые не являются необходимостью. Мы все вуайеристы, зависимые от своих «селфи».

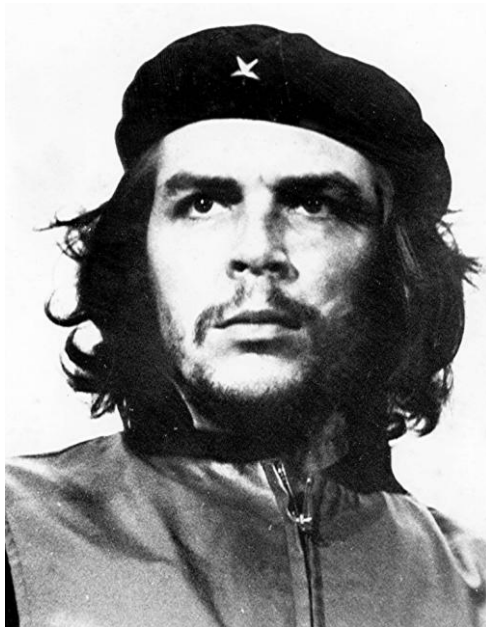
Очень скоро наше сегодняшнее мероприятие также станет частью застывшего пейзажа в медиапотоке и будет вечно бродить по виртуальному пространству с криками: «Зомби всех стран, объединяйтесь!».

Визуальная коммодификация, узнаваемое лицо, лицо власти циркулирует по медиапространству, как бессмертный объект желания внутри призрачной экономики медиаопосредованного развитого капитализма (Derrida, 1994). Он сокращает наш пространственно-временной континуум, так как воплощает собой обещание удовольствия и постоянную отсрочку его выполнения. Это одновременное возникновение и вынужденное подавление желания означает, что коммодифицированные образы олицетворяют время: сохраненное или «замороженное» (Massumi, 1998).

Таким образом, опосредованные образы, наделенные товарным значением, попадают в пространство субъективности, а также начинают участвовать в рыночных и социальных отношениях. Такая смена удовлетворения разочарованием лежит в основе эмоций, вызываемых коммодифицированными образами современной рыночной экономики, и представляет собой настоящий маниакально-депрессивный вихрь, состоящий из безумия, страха, эйфории и паранойи. Это развращает политическую экономику и вызывает у общества стойкую зависимость от потребления, заставляя нас хотеть все больше и больше. (Franklin, Lury and Stacey, 2000).

Об иконах

Лицо, наделенное рыночной стоимостью, которое представляет собой территорию власти, подчеркивает важную роль социального воображаемого и его бессознательных запросов, являющихся неотъемлемой частью механизмов власти (Braidotti 2011a). В связи с этим, воображаемые представления выполняют как духовную, так и социальную функцию, так как снабжают различные силы или движения в обществе образами, играющими роль икон. И если в прошлом они носили только религиозный характер, то теперь иконами могут быть изображения знаменитостей, представителей массовой культуры или политиков: от вездесущего Че Гевары до молодой Анжелы Дэвис, от Нельсона Манделы или таких не принадлежащих к церкви личностям, но считающихся в обществе святыми, как принцесса Диана (Campbell, 1988).

Эти иконические изображения играют роль тотемов в религиозном и почти жертвенном смысле слова, так как все эти люди «обrekli себя на страдания ради нашего блага»¹. Иррациональность и местами даже «мистицизм» визуальных образов массовой культуры были раскритикованы традиционалистами (их аргументы звучали и в слушании дела против Пусси Райот), а также такими разными в своих мнениях критическими теоретиками, как Адорно и Хоркхаймер, и Делез и Гваттари, которые опасались их манипулятивной природы. Современная цифровая культура только усилила эту тенденцию, так как спровоцировала распространение вирусных связей между визуальной культурой, мировыми иконами поп-культуры и социальным воображаемым, которое фетишизировало их до состояния «священных монстров» глобального потребления. Социальное воображаемое отвечает не только за рождение и развитие системы символов, которая, по всей видимости, структурирует

¹ Для более полного анализа постсекулярной духовности, являющейся частью этих процессов, см Braidotti, 2008.

наше эмоциональное и социальное поведение, но и за материальное воплощение соотношений сил в обществе. Таким образом, медиа-лицо – это механизм декодирования, который полностью инкорпорирован в материальную сферу общества развитого капитализма.

Меньшинства и становление меньшинством

Феминистская критика - это концептуальное лечение, своеобразная детоксикация, которая помогает нам освободиться от притягательного влияния узнаваемых образов власти, воздвигнувшего на наши умы, тела и самые потайные уголки нашего воплощенного бытия.

Само собой разумеется, что существует некое позитивное и продуктивное напряжение между идентитарными заявлениями политических движений, основанных на длительном опыте подавления, каким является феминизм, и стремлением к новому коллективному переосмыслению того, что сегодня представляет собой человечество, через призму различных процессов становления. Продуктивное напряжение между узнаваемыми лицами и анонимными массами. Между вездесущими изображениями и потенциальным деспотизмом Избранного и безликостью толпы.

Но как обрести узнаваемое лицо и в то же время избежать ретерриторизации в эпоху перенасыщенности образами? Этот вопрос крайне важен. В ходе поиска точек выхода из фаллоцентристской системы мышления и стремления к новой власти – как практической, так и визуальной - нам нужно найти новый формат для этих субъектных позиций. Результатом этих исканий станет создание новых образов субъекта, которые вытеснят доминирующее сегодня видение власти и принципы ее визуализации.

Чтобы разбить эти бинарные отношения между узнаваемым одним-единственным Избранным и безликим множеством, феминизм последовательно наращивал действенность и возможности понятия «любой» (anyone), что было бы транверсальной коллективностью «всех» (anyone) - Делез и Гваттари (1994) используют для этого понятие 'homo tantum' - , когда любой, кто становится частью непредвиденного сопротивления, превращается в политический субъект, так как становится неуловимым и недоступным для восприятия (Braidotti 2011b).

Феминистки, как обычно, срезали путь и заняли радикальную позицию в пользу деперсонализации и аффирмативной десубъективации. Мы просто надели другие лица.

Феминистская культурная политика

Феминистская политика, как и любой другой способ биологически опосредованного вмешательства сегодня, противопоставляет узнаваемые иконические лица анонимным силам масс или множеств, иконичность малочисленных одних - анонимным лицам бесконечных других. Цель такой конфронтации заключается в том, чтобы предоставить публичное пространство любому, кто захочет стать политическим субъектом, внося таким образом хаос в упорядоченную иерархию репрезентации.

Современная радикальная политическая позиция сегодня состоит в том, чтобы стать меньшинством или кочевником, причем в вирусной манере: ты надеваешь маску и превращаешься в пусси райот, снимаешь ее – и ты больше не пусси райот. Процесс становления пусси райот по сути своей является провокационным, так как направлен на трансформацию знаков, социальных практик и привычных символов институционализированной женственности; на изменение формата противостояния идее гражданства и проведения компаний в поддержку прав человека; на преобразование феминистской и гендерной политики и художественных практик.

Другими словами, поиски идентичности стали включать в себя самые различные процессы становления, где нет места детерриторизированным идентичностям и лицевости как деспотичному режиму. Сейчас пока что к любой идентичности, включая ЛГБТ, применимы процессы коммодификации и детерриторизации. Лучшее, что мы можем сделать в этой

ситуации, – стратегически озвучить свои притязания на новую идентичность в одну из сфер высокой публичной турбулентности и активизировать процессы становления тем, кем мы хотим, быть любого вида, пола, возраста или расы.

В этом и заключается становление политического субъекта: Пусси Райот в масках, которые одновременно являются и знаменитостями, которые у всех на слуху, и анонимными активистами, продолжающими свою, порой кажущуюся проигранной, битву, смогли выстоять под угрозой ответного удара, репрессий и насилия. Просто нужно надеть маску. И надевая балаклаву, вы не прячетесь, а выражаете определенную политическую субъективность, что позволяет вам обнажить механизмы существующей деспотичной власти. Той власти, которая срывает с вас маску, возвращает вам ваши публичное лицо, имя, социальную принадлежность и продолжает преследовать вас и наказывать так, как ей заблагорассудится.

Техника субъективации как порабощения кого-то обнажает отрицательное лицо власти, – *potestas* – но это только часть картины. Как учит нас Мишель Фуко (1977), власть также бывает продуктивной, – *potential* – и она дает толчок не только сопротивлению, но и формированию новых способов становления субъектом.

В случае с Владимиром Путиным его визуальная неграмотность заставила его недооценить масштаб глобальной реакции, которая сделала неизвестных до этого Надежду Толоконникову и Марию Алехину иконами мирового протеста и мегазвездами. Пусси Райот превратились в метеорит.

Не думаю, что сегодня в мире есть кто-то, кто не хочет стать Пусси Райот. Сколько из вас принесли сегодня с собой маску или балаклаву? Смело надевайте их!

Пусси Райот борются не только против деспотичного образа власти, но и за жизнеспособные и более демократические альтернативы. Их стратегия заключается в том, чтобы разоблачать, а не прятать и замалчивать что-то. Эта борьба, которую вы ведете на свой страх и риск, без гарантии успеха, упорная, подпольная, полностью невидимая борьба, даже если она транслируется СМИ.

Будучи глубоко демократичной в спинозовском понимании, феминистская политика считает стремление к свободе образующим элементом человеческого субъекта. Это вирусная политика в действии. И она работает.

ПОДДЕРЖКА ПУССИ РАЙОТ 1 и 2 (с балаклавами)

В качестве политического жеста, действия Пусси Райот также являются глубоко радикальными, так как наделяют ответственностью современную демократию за ее ограничения, противоречия и лицемерие. Радикальная политика демонстрирует нам, что современная демократия – это все еще процесс: «развитые» демократические общества должны сами стать в первую очередь по-настоящему демократическими. Нужно начинать с дискурса о теле и конструировании наших желаний. Нужно начинать, и прямо сейчас, с оформления пространственных и временных параметров процесса становления субъектом, которые помогут нам понять, с каким положением власти мы имеем дело. Стать демократичным означает стать людьми, которых не хватает обществу, начать эпоху, которая будет устойчивой. Нельзя забывать о будущем, это политика лиц – всех лиц – людей сопротивления, отвергающих деспотическую часть Избранного и становящихся неразличимыми, когда они вместе.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ ПУССИ РАЙОТ 3

II МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИМЕР²

Мой второй пример феминистской культурной политики и того, как она находит свое отражение и развитие в действиях Пусси Райот, касается музыки. Он также намного короче, что позволит мне остаться в рамках выделенного мне времени.

Дженис Джоплин

«Богородица, Путина прогони» - у этих строк в мире феминистского панка и рока есть заслуживающая внимания генеалогия. Уникальный член «Клуба 27» Дженис Джоплин (Archer and Simmonds, 1986) в своей песне «Мерседес Бенц» в далеком 1969 году уже отправляла свой запрос Богу и просила его купить ей машину в качестве существенного статусного символа, чтобы она могла быть не хуже своих друзей и могла бы сохранить...лицо!

Рок-молитва Джоплин не была богохульством, а тактическим или ироничным инструментом, чем-то похожим на сатирический образ королевы Беатрикс, который мы видели выше. Это был способ призвать на помощь высшие силы, а не земные, подчеркивая таким образом их бессилие. Песня Джоплин была направлена на то, чтобы изменить естественный порядок вещей и сдвинуть общепринятые социокультурные рамки, заявляя, что женщины больше не будут приложением к мужчинам, а претендуют на равное место и положение в мире (Kruger, 1983).

YOUTUBE-канал Дженис Джоплин: <http://www.youtube.com/watch?v=C-GFqhCq2HA>

Консьюмеристский аспект, свойственный поколению бэбибумеров, в ходе феминистской борьбы будет впоследствии замещен деконструкцией рыночной экономики и гендерной идентичности, которую произведут панк-рокеры начала 1980-х. Не забывайте, что до Мадонны была еще и Синди Лопер.

Очень немногие аспекты популярной культуры могут сравниться с панковской иконоборческой борьбой против стереотипов, бескомпромиссной критикой и политической решимостью. Стратегия разоблачения перверсивной политической экономики развитого капитализма, которую выбрало панк-движение, началась с борьбы против присущего ей консьюмеризма. Капитализм всегда продвигал идею о постоянно растущем разнообразии

² Для более подробного анализа женского рока см. 'Language is a virus' (Braidotti, 1994)

различных товаров и услуг потребления: и вот перед нами 50 каналов, и ни один из них невозможно смотреть. Это вечно работающая машина по производству бесчисленных вариантов коммодификации. Очевидно, что развитый капитализм держится на социальном контроле мобильности, поощряя неустанное вращение коммодифицированных продуктов: товары и услуги, капитал и всевозможная информация циркулируют по миру только так (Braidotti, 2013). Что касается людей, то они, конечно, преодолевают границы с куда меньшей легкостью. Географическая мобильность, будь то миграция или диаспорные перемещения строго регулируются рамками классовой принадлежности, этничности, пола и возраста – и это лишь некоторые из регулирующих ее факторов.

Лучший музыкальный отказ от политической экономики консьюмеризма и стандартных гендерных ролей в европейском феминизме – это работы берлинской диссидентки и панк-артистки Нины Хаген. Крайне одаренная музыкально и выучившаяся на оперную певицу, в своем творчестве Хаген сознательно ломает все ожидания, связанные с женским оперным пением в классической и любой другой музыке (McClary, 1991). Она воплощает радикальный процесс становления женщиной (Griggers, 1997), подчеркивая наиболее провокационные аспекты женственности, следуя устоявшейся политической традиции феминного гротеска (Russo, 1994). В своей актуальной песне «Неописуемая женственность» 'Unbeschreiblich Weiblich' она также заявляет о том, что феминизм - это лучшее движение:

**YOUTUBE клип Нины Хаген под названием: поп-митинг 1979. Отрезок 1:35-2:23
слады текста песни**

Настоящий исторический поворот наступает с появлением группы Bikini Kill and феминистским движением GRRRLS. Они открыто призывают к взлому социальной системы, бросая нам вызов.

YOUTUBE-видеоклип на песню «Двойной вызов» ('DOUBLE DARE YA')

<http://www.youtube.com/watch?v=NH-9Pow-2oE>

«Мы группа Bikini Kill, и мы хотим революцию в женском стиле прямо сейчас!»

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начиная с декларации Олимпии де Гуж о правах женщин и заканчивая песнями панк-рокерш, включая Пусси Райот, феминистки всегда выражали сопротивление и несогласие с ограничениями репрессивной власти посредством своего тела и «вызывающего» поведения в публичных местах. Мы писали свои протесты чернилами, огнем и порой даже кровью на

бумаге, стенах, песке и собственных телах. Мы пели и танцевали. Такой протест – это утробный призыв к восстанию против централизованного контроля суверенной власти. Это великодушный жест вмешательства в жизнь нашего глобального сообщества.

Что же такого знают Пусси Райот?

Во-первых, то, что систему можно победить только изнутри, и любая попытка будет стоить очень дорого. Что за разговоры о виртуальной реальности, «мягкой дипломатии» и цифровых сетях, неподъемный вес материализовавшейся власти мертвым грузом ляжет на плечи воплощенного субъекта. «Виртуальный» характер власти, распространяемой с помощью технологий, отнюдь не является эфемерным, он имеет абсолютно материальные основания. Власть муссирует информацию о реальных субъектах, находящихся в реальных обстоятельствах, так, что это выглядит как прицельное насилие над ними. Нам необходимо картографировать соотношение сил, создать реальную карту материализации власти, уделив особенное внимание медиа и технологиям как инструментам ее насаждения.

Пусси Райот также знают, что женщины и представители ЛГБТ наиболее часто становятся мишенью власти, и что именно здесь начинается противостояние, но здесь оно не заканчивается. Пусси Райот выносят на обсуждение такие важные вопросы, как радикальная демократия, политика идентичности, расширение политических границ бедности, социальная справедливость, мир и устойчивая окружающая среда, и доносит их до всеобщего внимания, так как феминистская политика направлена на взаимодействие со всем мировым сообществом.

Пусси Райот культивируют здоровое пренебрежение различиями между высокой и низкой культурой, уделяя особенное внимание творчеству, художественному высказыванию и активному воплощению своих теорий на бумаге, создавая номадические тексты и практики. Они знают, что от Guerilla Girls до Bikini Kill, включая движений Оссуру, все революции задействовали культурные процессы и предполагали радикальную трансформацию саморепрезентации.

Вот что знают Пусси Райот: использование технологий для распространения информации, культурные и художественные практики как формы активного социального участия являются ключевыми элементами современного мирового гражданства, особенно когда они включают в себя гражданское неповиновение. Они уверены в том, что культура – это политическая арена, а также глобальный вектор транснациональной коммуникации, идентификации и признания.

Они также знают, и это знание обошлось им очень дорого, что свобода самовыражения, особенно политического характера, до сих пор не является общепринятым правом человека, даже в Европе.

Будучи феминистками, активистками и людьми с ярко-выраженной гражданской позицией, Пусси Райот сочетают борьбу за эмансипацию молодежи, женщин и меньшинств с поистине инстинктивным демократическим стремлением к протесту. Использование технологий дает им возможность свободно распространять свои идеи на широкую аудиторию и превращает в настоящих номадических субъектов. При этом они придерживаются своей шкалы норм и ценностей и системы кодов, присущих их стране. Пусси Райот олицетворяют новую транснациональную политическую субъективность, которая противостоит процессу объединения церкви, нации и государства в единое целое. В этом смысле они одновременно являются и глобальными «гражданами Интернета», и активными членами своего общества, которое не в состоянии защитить их базовые человеческие и политические права. Это феномен рождает серьезную политическую активность и культурную критику, которая принимает форму визуальных и музыкальных интервенций. Практика Пусси Райот заслуживает того, чтобы относиться к ней серьезно – и речь идет не только о Путине и святых отцах, отправивших активисток в тюрьму, - и видеть в ней пример радикальной политики, свойственной нашему пронизанному медиа времени.

Политика всегда более эффективна, если она наполнена радостью и является аффирмативной по своей сути. Тогда у тех, кто ее придерживается, вырастают крылья, даже если они находятся за решеткой. Протестные действия Пусси Райот, наполненные творчеством, подтверждают слова Делеза и Гваттари: «Не думайте, что, если вы за что-то боретесь, нужно быть мрачным и грустным, даже если предмет вашей борьбы – нечто отягощающее» (1977: xiii). Феминисткой политикой движет не грусть, а позитивность.

Анархистская феминистка Эмма Голдман опередила время на десятки лет назад, когда сказала: «Если я не могу танцевать, то я не хочу участвовать в вашей революции». Захват Храма Христа Спасителя в Москве был только частично актом неповиновения, целью которого была атака деспотичного режима Владимира Путина, заручившегося поддержкой православной церкви. В первую очередь это был позитивный жест, сделанный из любви, где короткий и внезапный взрыв чистой энергии обнаружил несостоятельность и полное бессилие институциональной власти. Это был молебен радости и гимн свободе. Вот почему мы любим их и почему мы все сегодня здесь.

<http://www.youtube.com/watch?v=ALS92big4TY>

<http://www.youtube.com/watch?v=grEBLskpDWQ>

ССЫЛКИ

- Archer, Robyn and Simmonds, Diana. 1986. *A Star is Torn*. London: Virago.
- Badiou, Alain. 2013. "Our contemporary impotence". *Radical Philosophy* n.181, September-October.
- Braidotti, Rosi. 1994. "Language is a virus" in : *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory* (1st edition). Columbia University Press: Cambridge. Second edition issued in 2011(a)
- Braidotti, Rosi. 2002. *Metamorphoses. Towards a Materialist Theory of Becoming*. Cambridge, UK and Malden, USA: Polity Press/Blackwell Publishers Ltd.
- Braidotti, Rosi. 2011b. *Nomadic Theory. The Portable Rosi Braidotti*. New York: Columbia University Press.
- Braidotti, Rosi. 2008. In spite of the times: the Postsecular turn in feminism. *Theory, Culture & Society*, vol. 25, no. 6, pp. 1-24.
- Braidotti, Rosi. 2013. *The Posthuman: On Nomadic Ethics*. Polity Press: Cambridge.
- Butler, Judith. 2004. *Precarious Life*. London: Verso.
- Campbell, Beatrix. 1988. *Diana, Princess of Wales. How Sexual Politics shook the Monarchy*, The Women's Press, London, 1988.
- Canguilhem, George, *Le Normal et le Pathologique* (Paris: Presses Universitaires de France, 1966).
- Dawkins, Richard. 1976. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.
- Deleuze, Gilles. 1994. *Difference and Repetition*. London: The Athlone Press.
- Deleuze, Gilles and Felix Guattari. 1977. *Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia*. New York: Viking Press/ Richard Seaver.
- Deleuze, Gilles and Felix Guattari. 1987. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Deleuze, Gilles and Felix Guattari (1994) *What is Philosophy?* New York: Columbia University Press.
- Derrida, Jacques. 1994. *Spectres of Marx*. London and New York: Routledge.
- Foucault, Michel. 1977. *Discipline and Punish*. New York: Pantheon Books.
- 22
- Franklin, Sarah, Celia Lury and Jackie Stacey. 2000. *Global Nature, Global Culture*. London: Sage.
- Griggers, Camilla. 1997. *Becoming-Woman* Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kruger, Barbara. 1983. *We Won't Play Nature to Your Culture*. London: ICA.
- Massumi, Brian. 1998. "Requiem for our prospective dead! (Toward a participatory critique of capitalist power)". In: Eleanor Kaufman and Kevin Jon Heller, eds. *Deleuze and Guattari. New Mappings in Politics, Philosophy and Culture*. Minneapolis: University of Minnesota

Press.

McClary, Susan. 1991. *Feminine Endings: Music, Gender and Sexuality* Minneapolis, Minnesota University Press.

Rich, Adrienne. 1985. *Blood, Bread and Poetry*. New York: W.W.Norton.

Russo, Mary. 1994. *The Female Grotesque. Risk, Excess and Modernity*. New York and London: Routledge.

Said, Edward. 2004. *Humanism and Democratic Criticism*. New York: Columbia University Press.